

КОММЕНТАРИИ COMMENTS

УДК 821.161.1

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К АВТОРСКИМ ПЕСНЯМ. ТРИ ЗАМЕТКИ

© Кулагин Анатолий Валентинович (2019), SPIN-code: 1885-4061, доктор филологических наук, профессор, Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна, Россия), litkaf@mail.ru

В статье комментируются авторские песни Михаила Анчарова («Пыхом клубит пар...»), Юрия Визбора («Спокойно, дружище, спокойно!...») и Владимира Высоцкого («Никакой ошибки»). Предметом исследования являются интертекстуальные отношения, существующие между данными произведениями и поэтическими текстами других авторов, а его целью — установление возможных литературных источников названных песен. Доказывается, что песня М. Анчарова «Пыхом клубит пар...» создана под влиянием стихотворений Б. Корнилова «Лес» и «Лесной дом». Об этом свидетельствуют сходство лирических ситуаций (в «Лесе» Корнилова лирический герой также участвует в поединке с враждебной ему природой, который приобретает иносказательный характер), актуализация в песне Анчарова характерного для творчества Корнилова мотива охоты, ритмическое созвучие, общий пафос и лирическая атмосфера динамики, сближающие «Пыхом клубит пар...» и «Лесной дом». Автор подтверждает вывод Н.А. Богомолова о наличии генетической связи между песней Ю. Визбора «Спокойно, дружище, спокойно!...» и стихотворением Н.С. Гумилева «Рабочий». В обоснование данного вывода приводятся такие аргументы, как популярность творчества Гумилева среди поэтов «оттепельного» поколения, присутствие уже в ранних стихах Визбора образов и лирических мотивов «Рабочего», наличие в «Спокойно, дружище, спокойно!...» реминисценции из другого стихотворения Гумилева — «Жираф». Автор предлагает ранее не рассматривавшийся учеными возможный источник песни В. Высоцкого «Никакой ошибки» — стихотворение поэта-обэриута Н. Олейникова и драматурга Е. Шварца «На именины хирурга Грекова». Текст песни Высоцкого и названное стихотворение сближает лирическая ситуация, основанная на «остранении», возникающем в сознании героя-пациента, а также общий стихотворный размер, четырёхстопный хорей, соответствующий энергичной смене картин и ироничной интонации произведений. В пользу данной версии говорит также подтвержденный интерес Высоцкого к поэзии Олейникова в 1975–76 гг.

Ключевые слова: Анчаров, Визбор, Высоцкий, комментарий, источник, традиция.

Нам доводилось писать о том, что творчество одного из основоположников авторской песни Михаила Анчарова испытало сильное влияние поэзии Бориса Корнилова [Кулагин, 2018]. Выявленные нами реминисценции восходят к произведениям Корнилова, вошедшим в его «Книгу стихов» 1933 года.

У нас есть основания предполагать, что творчество Корнилова Анчаров, в юности необычайно начитанный⁷, знал не только по «Книге стихов». Так, в «Первой книге» Корнилова (1931) и в его же сборнике «Стихи и поэмы» (1935) было помещено стихотворение «Лес», которое могло отозваться, как нам думается, в двух сравнительно ранних анчаровских песнях. Ситуация охоты сопровождается в стихотворении Корнилова лирическим пейзажем с такими, в частности, строками: «Деревья клубятся клубами — // ни сна, / ни пути, / ни красы» [Корнилов, 1966, 93; здесь и далее цитаты из произведений Корнилова сверены нами с изданиями 1930-х гг.]. Выразительный образ клубящихся деревьев мог преобразиться в образ клубящегося же пара в песне Анчарова «Пыхом клубит пар...» (1943):

Пыхом клубит пар
Пароход-малец,
Волны вбег бегут от колёс.
На сто тысяч вёрст
Небеса да лес,
Да с версту подо мной откос
[Анчаров, 2001, с. 22].

Но сама возможная перекличка (а нам доводилось отмечать [см.: Кулагин, 2018, с. 9–10] и содержащуюся в этих строках реминисценцию из стихотворения Корнилова «В Нижнем Новгороде с откоса...», положенного на мелодию юным Анчаровым) возникла на основе сходства лирических ситуаций. В обоих произведениях лирический герой словно преодолевает сопротивление враждебной ему дикой природы, поединок с которой обретает иносказательный характер: «Рыдают мохнатые совы, // а сосны поют о другом — // бок о бок

⁷ «Про меня говорили, что я читаю не книжки, а библиотеки» (из кулуарных разговоров после анчаровского вечера в ДК «Металлург» 21 мая 1981 г.; расшифровка фонограммы осуществлена Н.А. Игнатовой; благодарим В.Ш. Юровского, ознакомившего нас с текстом расшифровки).

стучат, как засовы, // тебя запирая кругом. // Тебе, проходимец, судьбою, / дорогой – болота одни...» (Корнилов) [Корнилов, 1966, 93–94]; «Прёт звериный дух / От лесных застрех, // Где-то рядом гудит гроза. // Дует в спину мне / Ветерок-пострел, // Заметая пути назад» [Анчаров, 2001, с. 22]. От мотива «звериного духа» тянется нить к другому мотиву, подсказанному Анчарову творчеством старшего поэта. Речь идёт о мотиве охоты, для Корнилова весьма значимом. У него это даже и не мотив, а целая тема, звучащая не только в цитируемом стихотворении (слова «охота» здесь нет, но читатель догадывается, что лирический герой в лесу именно охотится), а ещё, например, в стихотворениях «Весна», «Охота», «Лес над нами огромным навесом...» Так вот, лирический герой корниловского «Леса» сталкивается с медведем: «И старая туша, как туча, // как бурей отбитый карниз, // ломая огромные сучья, // медведь обрывается вниз. // Ни выхода нет, ни просвета, // и только в шерсти и зубах // погибель тяжёлая эта // идёт на тебя на дыбах» [Корнилов, 1966, с. 94]. Мотив охоты на медведя возникает в песне Анчарова «Сорок первый» (написана в 1945, дорабатывалась в 1959–60 гг.), а именно в названии и в поясняющем авторском предуведомлении: «Не в том смысле, что сорок первый год, а в том смысле, что сорок медведей убивает охотник, а сорок первый – убивает охотника. Такая есть примета сибирская. Такая любовная песня» [Анчаров, 2001, с. 446]. В самой песне «охотничьих» мотивов нет; надо полагать, с парой «охотник – медведь» ассоциируются здесь отношения лирического героя и героини: «Я засыпан людской порошею, // Я мечусь из краёв в края. // Эй, смотри, пропаду, хорошая, // Недогадливая моя!» [Анчаров, 2001, с. 27]. Героиня и есть тот «сорок первый медведь», от которого «пострадал» герой. Конечно, по смыслу это отступает от стихов Корнилова, но сказать на выборе поэтической ассоциации могла сама продемонстрированная последним возможность использования охотничьих мотивов в лирическом контексте.

Вернёмся к песне Анчарова «Пыхом клубит пар...» В ней, как и в отдельных строфах позднейшей анчаровской же «Баллады о танке Т-34...» (1965), использован так называемый кольцовский пятисложник – ритм, где из пяти слогов стиха обязательно должен быть ударным третий, и иногда – первый. Строфа песни «Пыхом клубит пар...» представляет собой шестистишие, в котором стихи 1, 2, 4 и 5 выдержаны именно в этом ритме, а стихи 3 и 6 написаны дольником:

«Пыхом клубит пар // Пароход-малец, // Волны вбег бегут от колёс» и так далее. Да и дольник в некоторых местах, если отбросить следующую за цезурой часть стиха, тоже звучит как кольцовский пятисложник: «Волны вбег бегут...» Нам думается, что этот, сравнительно редкий в русской поэзии, ритм тоже мог восходить у Анчарова к Корнилову, а именно к его стихотворению «Лесной дом», где строфа как раз состоит из шести стихов, и пятисложником написаны стихи с теми же номерами, что позже — в анчаровской песне: «От резных ворот // Через отчий сад // И поля, где пасутся закаты, // Я пошёл вперёд, // Не взглянув назад — // На соломой покрытые хаты» [Корнилов, 1966, с. 63]. «Лесной дом» вошёл (не считая публикаций 20-х годов в газете и в коллективном сборнике) в книгу Корнилова «Молодость» (1928), так что мы можем предположить знакомство Анчарова и с этим изданием. Конечно, стихи 3 и 6 у Корнилова ритмически иные, чем у Анчарова: они написаны трёхстопным анапестом. Но кольцовский пятисложник, задающий в обоих случаях тон, обеспечивает ритмическое созвучие между двумя стихотворениями. Они близки друг другу и самим пафосом. Лирический герой Корнилова, вполне в духе известной песни «Живёт моя отрада», да и кольцовской поэзии тоже, устремлён к «удивительному домику», где живёт красавица-хозяйка: «Только тихий дом // Мне в стихи залез. // Ничего не пишу я, / кроме...» Герой песни Анчарова тоже обращается к любовной теме (пусть не вполне буквально, но иносказательно) как знаку своего самоутверждения: «К чёрту всех мужей — // Всухомятку жить! — // Я любовником на игру // Выхожу, ножом // Расписав межи — // Всё равно мне — что пан, что труп» [Анчаров, 2001, с. 22–23]. «Любовник» — вот общая для героев Корнилова и Анчарова поэтическая роль. И важна, конечно, лирическая атмосфера динамики, переходящая, кстати, и в упомянутую выше «Балладу о танке Т-34...»: «Впереди колонн // Я летел в боях, // Я сам нащупывал цель...» [Анчаров, 2001, с. 68] Одним словом, перед нами опять случай ритмического влияния — выходящего, однако, за сугубо формальные рамки и обретающего семантическое наполнение.

В 2015 году была опубликована серия комментаторских заметок Н.А. Богомолова о песнях Визбора; одна из этих заметок была посвящена песне «Спокойно, дружище, спокойно!..» (1962) [Богомолов, 2015, с. 125–127]. Исследователь обнаружил перекличку между финальными строками песни «Уже изготовлены пули, // Что мимо тебя просвистят» [Визбор, 2001, т. 1, с. 94] и стихотворением Гумилёва «Рабочий»: «Пуля, им отлитая, просвищет // Над седую, вспененной Двиной, // Пуля, им отлитая, отыщет // Грудь мою, она пришла за мной. <...> И Господь воздаст мне полной мерой // За недолгий мой и горький век. // Это сделал в блузе светло-серой // Невысокий старый человек» [Гумилёв, 1991, т. 1, с. 215–216]. Напоминая о сильном влиянии Гумилёва на советских поэтов двадцатых – тридцатых годов [Тименчик, 2018], Н.А. Богомолов резюмирует, что оно, несмотря на фактический запрет творчества поэта, «дотянулось <...> – напрямую или через чьё-то посредничество – и до поэтов поколения Визбора» и обусловлено было общим для Гумилёва и Визбора культом «мужества и стойкости» [Богомолов, 2015, с. 127]. В самом деле, дотянулось: например, из воспоминаний И. Кохановского, одноклассника Высоцкого, мы знаем, что стихами Гумилёва друзья увлеклись уже в юности: «...к нам попала книжечка стихов Гумилёва, из которой мы кое-что выучили, в частности “Капитанов” и “Рабочего”...» [Кохановский, 2017, с. 19; см. также: Соколова, 2002]. Как видим, речь идёт о том же стихотворении, оказавшемся привлекательным для юношей «оттепельного» поколения⁸. В начале 60-х годов неопубликованные стихи русских поэтов можно было прочесть не только в чудом уцелевших после революции, двух войн и массовых репрессий старых книгах, но и переписанными от руки, перепечатанными на пишущей машинке. «Это было время, – пишет в своих мемуарах о Визборе Р. Арефьева, – когда дарили друг другу перепечатанные на машинке книги прозы Цветаевой и Мандельштама, стихи Гумилёва, Бродского и др. Юра счёл драгоценным подарком к Новому году рукописный текст “Рождественского романса” Иосифа Бродского...» [Арефьева, 2014, с. 270]. Заметим: И. Коха-

⁸ Наличие реминисценции из гумилёвского «Рабочего» в песне Высоцкого «Гербарий» (оборот «в большой постели») предположил в своём докладе на конференции «Владимир Высоцкий – поэт, актёр, певец, композитор» (Гродно, 2018) И. Б. Иткин.

новский упоминает именно «Рабочего» как стихотворение, вызвавшее особый интерес молодых людей. Здесь можно назвать и ещё одного поэта того же поколения – Геннадия Шпаликова, его песню «Ах, утону я в Западной Двине...» (1961), где упоминание именно Двины звучит, как у Гумилёва, в «гибельном» контексте (хотя само стихотворение писалось как шуточное) и позволяет предположить наличие реминисценции⁹. Это косвенный аргумент в пользу правоты комментатора песни Визбора. И, конечно, версия Н. А. Богомолова подтверждается другими, более ранними стихами Визбора: «Сделана в дымных больших городах // И охраняется в тёмных складах // Пуля, которая в первом бою // С треском шинель продырявит мою. // Мало. Сработан рабочим седым // Взрыв, заключённый в осколки и дым, // Взрыв, что, ударив по пыльной листве, // Бросит меня на рассвете в кювет» («Сделана в дымных больших городах...») [Визбор, 2001, т. 1, с. 51]. Эти строки написаны в апреле 1957 года, когда двадцатидвухлетний Визбор проходил срочную военную службу; они, включающие мотивы и пули, и седого рабочего (у Гумилёва, напомним: «невысокий старый человек»), не оставляют сомнения в том, что стихотворение Гумилёва «Рабочий» юному поэту уже известно. Заметим, что Визбор, несмотря на пока ещё небольшой поэтический опыт, не копирует находку мастера, а придаёт заимствованному у него лирическому мотиву оригинальную разработку, вообще расширяет его. Это видно уже по приведённым строкам, где, кроме пули, упоминается ещё взрыв, а дальше возникнут целые «сотни тысяч людей», что «трудятся порознь, неведомо где», чтобы уничтожить лирического героя: «...Лапник сырой. Вся палатка в дыму. // Что я им сделал? Никак не пойму». Ситуация конкретизируется за счёт включения в неё собственного армейского опыта поэта. Герой – не абстрактная потенциальная жертва чьей-то агрессии, а солдат, для которого размышления о войне и гибели, несмотря на мирное время, всё-таки естественны, ибо к этому располагает его нынешняя должность.

Но мы хотим вернуться к песне «Спокойно, дружище, спокойно!...» Нам представляется, что в ней есть ещё одна реминисценция

⁹ Отмечено 19.4.2011 участницей Форума Высоцкого Марией Сухановой (выступающей под ником «Тётушка Несси») – см.: Владимир Высоцкий: Официальный сайт Фонда В.С. Высоцкого – <http://ubb.kulichki.com/ubb/Forum53/HTML/001747-2.html> (дата обращения: 19.7.2018).

из поэзии Гумилёва. Напомним последние строки второго куплета (который Визбору пришлось переделать для фильма «Июльский дождь», где он поёт эту песню в кадре):

Виденья видали ночные
У паперти северных гор,
Качали мы звёзды лесные
На чёрных глазищах озёр
[Визбор, 2001, Т. 1, С. 94].

А теперь, для сравнения, — цитата из стихотворения Гумилёва «Жираф», одного из известнейших у поэта:

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр
[Гумилёв, 1991, т. 1, с. 72].

Визбор, вообще всегда тяготевший в лирике к насыщенной — в том числе и «лунной» (например, в «Зимней песне» 1961 года: «...И нанизано рожденье луны // На хрустальное копьё тишины» [Визбор, 2001, т. 1, с. 88]) — метафоричности, заимствовал, как нам видится, у Гумилёва мотив качающегося на воде светила. В стихотворении-источнике это луна, в песне же — звёзды. Кроме того, Визбор олицетворяет воду («На синих глазищах озёр») и меняет третье лицо (у Гумилёва луна «дробится» и «качается» сама) на первое: «Качали мы звёзды лесные...» Это в духе Визбора, лирический герой которого обычно активен, преодолевает трудности, идёт в поход и т. п. Но это в духе и Гумилёва, с его мужественными «капитанами» и «конквистадорами»; просто в данном стихотворении лирическая ситуация к этому не располагает.

Кстати, не без влияния Гумилёва, его цикла «Капитаны» (привлекавшего, как мы видели, и Высоцкого и Кохановского), могла появиться и написанная Визбором вскоре после песни «Спокойно, дружище, спокойно!...» песня «Давным-давно» (1963), лейтмотивом которой является именно слово «капитаны»: «Капитаны, капитаны // Приходили в ресторан»; «Капитаны утонули...» [Визбор, 2001, т. 1, с. 116]. Песня напоминает о гумилёвском цикле, помимо самой морской темы [Кулагин, 2015], общим с ним приёмом использования множественного числа применительно к центральному образу

(обобщённое «капитаны») и ретроспективной позицией, эстетизацией «морского» прошлого. Так, у Гумилёва читаем: «Как странно, как сладко входить в ваши грёзы, // Заветные ваши шептать имена // И вдруг догадаться, какие наркозы // Когда-то рождала для вас глубина!» [Гумилёв, 1991, т. 1, с. 117]; у Визбора же: «...Флагов пёстрое ветрило, // Золотое полотно. // Как давно всё это было, // Давным-давно...») [Визбор, 2001, т. 1, с. 116]. Но это уже предмет для отдельного разговора.

3

Песня Высоцкого «Никакой ошибки» (1975) является второй частью его лирической трилогии, включающей ещё песни «Ошибка вышла» (1975) и «История болезни» (1976). Её герой проходит психиатрическую экспертизу. Решается вопрос, отправится ли он отбывать наказание за решётку или останется в психиатрической больнице. Ему бы хотелось второго, но дело решается иначе: «И нависло остриё, // И поёжилась бумага, — // Доктор действовал во благо, // Жалко — благо не моё, — // Но не лист перо стальное — // Грудь пронзило как стилет: // Мой диагноз — паранойя, // Это значит — паранет!» [Высоцкий, 2002, т. 1, с. 408] Ответственности за преступление паранойя, к сожалению героя песни, не снимает.

Песня «Никакой ошибки» не обойдена вниманием и комментаторов, и интерпретаторов [Скобелев, 2016, с. 36-40; Крылов, 2010, с. 296-297; Томенчук, 2004, с. 37-39; Свиридов, 2006]. Мы же намерены ввести в круг её возможных источников литературное произведение, пока в поле зрения высокоцковедов не попадавшее.

Речь идёт о совместном ироническом стихотворении поэта-обэриута Николая Олейникова и драматурга Евгения Шварца «На именины хирурга Грекова» (1933). Приведём его текст полностью:

Привезли меня в больницу
С поврежденною рукой.
Незнакомые мне лица
Покачали головой.

Осмотрели, завязали
Руку бедную мою,
Положили в белом зале
На какую-то скамью.

Вдруг профессор в залу входит
С острым ножиком в руке,
Лучевую кость находит
Локтевой невдалеке.

Лучевую удаляет
И, в руке её вертя,
Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя.

Молодец профессор Греков,
Исцелитель человеков!
Он умеет все исправить,
Хирургии властелин.

Честь имеем Вас поздравить
Со днем Ваших именин [Олейников, 2000, с. 188].

Адресат стихотворения — реальное лицо, известный хирург, учёный Иван Иванович Греков (1867—1934), главный врач Обуховской больницы в Ленинграде. О соавторстве свидетельствует Е. Шварц [Шварц, 1990, с. 453].

Нетрудно заметить сходство лирической ситуации в двух произведениях. Их сближает, во-первых, своеобразное «остранение», возникающее в сознании героя-пациента. У Олейникова—Шварца это «незнакомые лица» вместо медперсонала, «белый зал» вместо операционной, «какая-то скамья» вместо операционного стола, «острый ножик» вместо скальпеля. Не говорим уже о действиях хирурга, чуть ли не жонглирующего костью («в руке её вертя») и заменяющего её на другую «улыбаясь и шутя». Есть в таком восприятии нечто наивно-детское — и одновременно обзриутски-абсурдистское. Кстати, замена лучевой кости на берцовую — явный гротеск (при том что Греков действительно открыл и практиковал метод пересадки — но, конечно, не костей, а мышц). Заметим здесь же, что появление врача даже синтаксически и интонационно подано двумя поэтами сходно: «Вот профессор в залу входит» (Олейников—Шварц) — «Вот профессор входит в дверь» (Высоцкий). Герою Высоцкого знаменитые врачи на портретах представляются «бородатыми мужчинами» — чем не олейниковско-шварцевские «незнакомые мне лица»? Кстати, мотив «знакомства» по ходу лирического сюжета будет развит: окажется, что «товарищ Боткин», который «желтуху изобрёл», герою «зна-

ком». Да и Склифосовский, «основатель института», ему «приятен». Суть же «остранения» по Высоцкому в том, что, как мы уже сказали, происходит взаимоподмена больницы и тюрьмы, акцентированная игрой слов: «Не подследственный, ребята, // А исследуемый я!» Стилевую находку предшественников бард развивает применительно к сложной социальной теме, одной из ключевых для русской культуры XX века (психиатрический террор и вообще зыбкая граница между здоровьем и сумасшествием).

Во-вторых, у двух произведений общий стихотворный размер, четырёхстопный хорей (в запевках песни Высоцкого, удваивающего строку, он превращается в восьмистопный: «На стене висели в рамках бородатые мужчины»). Самого этого совпадения, конечно, недостаточно для того, чтобы подозревать ритмическое влияние одного поэта на другого: уж очень этот размер распространён. И всё же позволим себе предположить, что в данном случае влияние было. Четырёхстопный хорей имеет в русской поэзии репутацию энергичного, «дорожного» размера (вспомним пушкинских «Бесов», «Василия Тёркина»...). И Олейников–Шварц и Высоцкий неожиданно пользуются им в стихах на больничную тему, к поэтической «энергии» вроде бы не располагающую. Но у обоих поэтов происходит энергичная смена картин, подкреплённая обилием глаголов: «привезли», «осмотрели, завязали», «положили», «входит» (Олейников–Шварц) – «сказали», «заколотило», «усмехнулось», «подмахну», «упрячет», «входит» и далее (Высоцкий). При этом стихи у обоих иронические. Если говорить о Высоцком, то вскоре, в 1977 году, этот ритмический рисунок будет использован им в песне «Про речку Вачу...», тоже комедийной: «Подсчитали, отобрали – // За еду, туда-сюда, – // Но четыре тыщи дали // Под расчёт – вот это да!» Отметим и здесь поэтическую динамику, обильный глагольный ряд и даже знакомую интонацию (ср.: «Осмотрели, завязали...»).

Возможно, именно ритмическая «подсказка» источника позволила Высоцкому найти ключ ко второй песне цикла. Согласно составленной С.В. Жильцовым сводке вариантов текста песни, черновой автограф её поначалу был выдержан в том же размере, что и текст первой песни – «Ошибка вышла». Это разностопный ямб, с чередованием четырёх- и трёхстопных стихов: «Мне доктор молвил: “Вы больны!” – // И сразу отпустило. // И усмехнулось со стены // Сердечное светило». Кстати, в этом же черновике есть строки, в изменённом виде попавшие в итоге уже в третью песню цикла: «Я спал

на сгибе бытия, // На полдороге к бездне...» и далее [Высоцкий, 1994-1998, т. 4, с. 223, 227]. Поэтому не исключено, что найденный, с подачи Олейникова и Шварца, ритмический рисунок песни «Никакой ошибки» помог не только кристаллизироваться самой песне «Никакой ошибки», но и определиться всей композиции цикла, окончательно расставил поэтический материал по местам.

Вероятность того, что Высоцкий был знаком с текстом шуточного стихотворного поздравления Олейникова и Шварца, весьма высока. Стихотворение ходило в самиздате, а в течение 1968 года даже было дважды напечатано (с отдельными расхождениями в тексте) в советской периодике [Рахтанов, 1968, с. 27; Олейников, 1968]. Предположение о том, что Высоцкий связан с обэриутской традицией, в литературе о поэте уже высказывалось в связи с песней «Гербарий» — написанной, кстати, вскоре после песни «Никакой ошибки», в 1976 году [Курилов, 1999, с. 254]. Нить от «Гербария» тянется к поэзии Олейникова, героями которого нередко становились именно насекомые (так и в песне Высоцкого). Это позволяет предположить наличие у Высоцкого интереса к поэзии Олейникова в 1975–76 годах и говорит в пользу нашей версии.

Источники

1. *Анчаров М.* Соч. / Сост. В.Юровский. — Москва: Локид-Пресс, 2001. — 494 с.
2. *Визбор Ю.* Сочинения в 3 т. / Сост. Р. Шипов. — Москва: Локид-Пресс, 2001.
3. *Высоцкий В.* Собрание сочинений в 5 т. / Сост., текстол. работа и коммент. С. Жильцова. — Тула: Тулица, 1994–1998.
4. *Высоцкий В.* Сочинения в 2 т. / Сост., текстол. подгот. и коммент. А.Е. Крылова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
5. *Гумилёв Н.* Сочинения в 3 т. — Москва: Художественная литература, 1991.
6. *Корнилов Б.* Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. М.П. Берновича. — Москва; Ленинград: Советский писатель, 1966. — 544 с.
7. *Олейников Н.* Раздумья, послания и афоризмы технорука Н. / Предисл. А. Дымшица // Литературная газета. — 1968. — № 29. — 17 июля. — С. 16.
8. *Олейников Н.* Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. А.Н. Олейникова. — Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. — 264 с.

9. *Шварц Е.* Живу беспокойно...: Из дневников. — Ленинград: Советский писатель, 1990. — 649 с.

Литература

1. *Арефьева Р.* Так было // Судеб переплетенье: [Сб. воспом. о Визборе] / Отв. ред. и сост. Э. Сухорученкова. — Москва: Аванглион-Принт, 2014. — С. 269–276.
2. *Богомолов Н.* Заметки о песнях Ю. Визбора // Голоса: Сб. статей к 60-летию Андрея Крылова. — Москва: Булат, 2015. — С. 118–127.
3. *Кохановский И.* Серебряные струны // Всё не так, ребята...: Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег... — Москва: Ред. Елены Шубиной; АСТ, 2017. — С. 15–102.
4. *Крылов А.Е., Кулагин А.В.* Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. — Москва: Булат, 2010. — 377 с.
5. *Кулагин А.В.* Анчаров и Борис Корнилов: у истоков авторской песни // Кулагин А. В. Слово семь заветных струн: Статьи о бардах, и не только о них. — Коломна: ГСГУ, 2018. — С. 5–28.
6. *Кулагин А.В.* Водные пути в поэтическом сознании Юрия Визбора // Водные пути: пути жизни, пути культуры: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. Е.Г. Милогина, М.В. Строганов. — Тверь: СФК-офис, 2015. — С. 332–342.
7. *Курилов Д. Н.* «Карнавальные баллады» Галича и Высоцкого // Мир Высоцкого. — Вып. III. — М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. — Т. 1. — С. 241–261.
8. *Рахтанов И.* Был это человек яркого таланта... // Детская литература. — 1968. — № 4. — С. 26–28.
9. *Свиридов С. В.* Верьте слову?: Ещё раз о песне Высоцкого «Никакой ошибки» // Владимир Высоцкий в контексте художественной культуры: Сб. науч. статей. — Самара: Самарск. ун-т, 2006. — С. 136–142.
10. *Скобелев А.* Из материалов к комментированию текстов песен В.С. Высоцкого // В поисках Высоцкого. — № 22. — Пятигорск: ПГЛУ, 2016 (январь). — С. 28–42.
11. *Соколова Д.В.* Гумилёв и Высоцкий: поэтика и тема мужества // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. VI / Сост. А.Е. Крылов, В.Ф. Щербакова. — Москва: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2002. — С. 302–308.
12. *Тименчик Р.* История культа Гумилёва. — Москва: Мосты культуры, 2018. — 636 с.
13. *Томенчук Л.* «...А истины передают изустно». — Днепропетровск: Пороги, 2004. — 88 с.

FROM COMMENTARY TO AUTHOR SONGS. THREE NOTES

© **Kulagin Anatoliy Valentinovich (2010)**, Doctor of Philology, professor, State Social and Humanitarian University (Kolomna, Russia), litkaf@mail.ru

The author of this article comments on the author songs by Mikhail Ancharov ("Pykhom klubit par..."), Yuri Vizbor ("Spokoino, druzhische, spokoino! ..") and Vladimir Vysotsky ("Nikakoi Oshibki"). The subject of the study is the intertextual relations that exist between these works and the poetic texts of other authors, and its goal is to identify possible literary sources of the songs mentioned. We prove that M. Ancharov's song "Pykhov klubit par ..." was created under the influence of B. Kornilov's poems "Forest" and "Forest House". This is evidenced by the similarity of lyrical situations (in the "Forest" Kornilov's lyrical protagonist also participates in a duel with a hostile nature, which takes an allegorical form), the actualization of the motif of hunting in the song of Ancharov, rhythmic consonance, general pathos and lyrical atmosphere, which bring "Pykhom klubit par ..." and "Forest House" closer together. The author confirms the conclusion of N.A. Bogomolov about the presence of a genetic link between the song by Yu. Vizbor "Spokoino, druzhische, spokoino!" and the poem by N.S. Gumilyov "The Worker". The popularity of Gumilyov's creativity among the poets of the "thaw" generation, the presence of images and lyrical motifs of "The Worker" in the early verses of Vizbor, the presence of reminiscences from another poem by Gumilyov – "Giraffe" in "Spokoino, druzhische, spokoino!.." serve to prove this conclusion. The author offers a possible source of V. Vysotsky's song "No Error", which was not previously considered by scholars – the poem of the Oberiu-poet N. Oleinikov and playwright E. Schwartz "On the birthday of the surgeon Grekov". The text of Vysotsky's song and the poem are brought together by a lyrical situation based on "estrangement" arising in the consciousness of the protagonist-patient, as well as a general poetic size, trochaic tetrameter, corresponding to an energetic change of scenery and an ironic intonation of works. This version is also supported by Vysotsky's confirmed interest in Oleinikov's poetry in 1975–76.

Keywords: Ancharov, Vizbor, Vysotsky, comment, source, tradition

Sources

1. *Ancharov M.* Soch. / Sost. V.YUrovskij. – Moskva: Lokid-Press, 2001. – 494 s.
2. *Vizbor Yu.* Sochineniya v 3 t. / Sost. R. SHipov. – Moskva: Lokid-Press, 2001.
3. *Vysockij V.* Sbranie sochinenij v 5 t. / Sost., tekstolog. rabota i komment. S. ZHil'cova. – Tula: Tulica, 1994–1998.
4. *Vysockij V.* Sochineniya v 2 t. / Sost., tekstolog. podgot. i komment. A.E. Krylova. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2002.
5. *Gumilyov N.* Sochineniya v 3 t. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1991.

6. Kornilov B. Stihotvoreniya i poehmy / Sost., podgot. teksta i primech. M.P. Bernovicha. – Moskva; Leningrad: Sovetskij pisatel', 1966. – 544 s.
7. Olejnikov N. Razdum'ya, poslaniya i aforizmy tekhnoruka N. / Predisl. A. Dymshica // Literaturnaya gazeta. – 1968. – № 29. – 17 iyulya. – S. 16.
8. Olejnikov N. Stihotvoreniya i poehmy / Sost., podgot. teksta i primech. A.N. Olejnikova. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2000. – 264 s.
9. Shvarc E. Zhivu bespokojno...: Iz dnevnikov. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1990. – 649 s.

References

1. Arefeva R. Tak bylo // Sudeb perepleten'e: [Sb. vospom. o Vizbore] / Otv. red. i sost. E.H. Suhoruchenkova. – Moskva: Avanglion-Print, 2014. – S. 269–276.
2. Bogomolov N. Zametki o pesnyah YU. Vizbora // Golosa: Sb. statej k 60-letiyu Andreya Krylova. – Moskva: Bulat, 2015. – S. 118–127.
3. Kohanovskij I. Serebryanye struny // Vsyo ne tak, rebyata...: Vladimir Vysockij v vospominaniyah druzej i kolleg... – Moskva: Red. Eleny SHubinoj; AST, 2017. – S. 15–102.
4. Krylov A.E., Kulagin A.V. Vysockij kak ehnciklopediya sovetskoj zhizni: Kommentarij k pesnyampoehta. – Moskva: Bulat, 2010. – 377 s.
5. Kulagin A.V. Ancharov i Boris Kornilov: u istokov avtorskoj pesni // Kulagin A. V. Slovo sem' zavetnyh strun: Stat'i o bardah, i ne tol'ko o nih. – Kolonna: GSGU, 2018. – S. 5–28.
6. Kulagin A.V. Vodnye puti v pochticheskom soznanii YUriya Vizbora // Vodnye puti: puti zhizni, puti kul'tury: Materialy mezhdunar. nauch. konf. / Red.-sost. E.G. Milyugina, M.V. Stroganov. – Tver': SFG-Ofis, 2015. – S. 332–342.
7. Kurilov D. N. «Karnaval'nye ballady» Galicha i Vysockogo // Mir Vysockogo. – Vyp. III. – M.: GKCM V.S. Vysockogo, 1999. – T. 1. – S. 241–261.
8. Rahtanov I. Byl ehto chelovek yarkogo talanta... // Detskaya literatura. – 1968. – № 4. – S. 26–28.
9. Sviridov S. V. Ver'te slovu?: Eshchyo raz o pesne Vysockogo «Nikakoj oshibki» // Vladimir Vysockij v kontekste hudozhestvennoj kul'tury: Sb. nauch. statej. – Samara: Samarsk. un-t, 2006. – S. 136–142.
10. Skobelev A. Iz materialov k kommentirovaniyu tekstov pesen V.S. Vysockogo // V poiskah Vysockogo. – № 22. – Pyatigorsk: PGLU, 2016 (yanv.). – S. 28–42.

11. *Sokolova D.V.* Gumilyov i Vysockij: poehtika i tema muzhestva // *Mir Vysockogo: Issled. i materialy. Vyp. VI* / Sost. A.E. Krylov, V.F. SHCherbakova. – Moskva: GKCM V.S. Vysockogo, 2002. – S. 302–308.
12. *Timenchik R.* Istoriya kul'ta Gumilyova. – Moskva: Mosty kultury, 2018. – 636 s.
13. *Tomenchuk L.* «...A istiny peredayut izustno». – Dnepropetrovsk: Porogi, 2004. – 88 s.

Поступила в редакцию 12.01.2019